

**Елена
Михалкова**

Детективы Елены Михалковой:

Знак истинного пути
Время собирать камни
Дом одиноких сердец
Темная сторона души
Жизнь под чужим солнцем
Остров сбывшейся мечты
Водоворот чужих желаний
Рыцарь нашего времени
Призрак в кривом зеркале
Танцы марионеток
Дудочка крысолова
Улыбка пересмешника
Дудочка крысолова
Манускрипт дьявола
Иллюзия игры
Золушка и дракон
Алмазный эндшпиль
Восемь бусин на тонкой ниточке
Комната старинных ключей
Котов обижать не рекомендуется
Кто убийца, миссис Норидж?
Тайна замка Вержи
Пари с морским дьяволом
Охота на крылатого льва
Нежные листья, ядовитые корни
Черный пудель, рыжий кот, или Свадьба
с препятствиями
Бумажный занавес, стеклянная корона

Елена Михалкова

Дом
одиноких
сердеч

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(Рос = Рус)6-44
М69

Дизайнер проекта
Екатерина Фerez

Фото автора на обложке
Александра Горчакова

Дизайн обложки
Яна Паламарчук

Михалкова, Елена Ивановна.

М69 Дом одиноких сердец : [роман] /Елена Михалкова. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (Елена Михалкова: «Читай не отрываясь»).

ISBN 978-5-17-100462-0

Чего можно ожидать от случайного собеседника, когда выгуливаешь собаку? Конечно, интересного знакомства, а не загадочного убийства. И разумеется, совсем не ждешь в наследство шикарную квартиру. А что потребуется взамен? Ведь бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Просто дописать книгу, в которой — героиня Даша уверена — скрыта причина убийства?! И раскрыть тайны обитателей дома престарелых?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(Рос = Рус)6-44

ISBN 978-5-17-100462-0 © Михалкова Е.
© ООО «Издательство АСТ», 2016

«Смерть ходит за мной по пятам так непринужденно, что временами мне даже становится смешно. Нет-нет, никакой старухи с косой и прочей бессмысленной атрибутики вроде черной мантии до пола. Скорее кружевной зонтик или букетик цветов... со вкусом подобранный плащ... Поэтому иногда мне кажется, что на меня в солнечный день падает тень. Или запах цветов, почти неуловимый, появляется где-то совсем близко. Или шуришание плаща раздастся на совершенно пустой лестничной клетке. В такие секунды я резко начинаю ощущать смысл слов, которые бездумно произношу, — например, лестничная клетка. И я внутри лестничной клетки, за решеткой. Не хватает только дрессировщика, который войдет с кнутом и выведет меня на арену.

Жаль, что я не верю в Бога, — так было бы гораздо легче. И еще жаль, что мое дело останется незаконченным. Если только мне не удастся найти человека, который закончит его за меня.

Но тут возникает небольшая моральная дилемма, правда? Ведь если я все-таки найду его, то дама с букетиком, под кружевным зонтиком, в хорошо пошитом плаще будет ходить уже за ним. С одной стороны, не очень хорошо. С другой стороны, для меня к тому времени это не будет иметь ровным счетом никакого значения.

А раз так — нужно его найти».

ГЛАВА 1

Даша гуляла по лесу, с наслаждением вдыхая упоительный запах сосен и травы. Август выдался холодным и дождливым, и Даша с грустью думала о том, что коротким летом не удалось в этом году полностью насладиться. Но сегодняшний день был ласковым и теплым. «Счастье какое, — вздохнула Даша, вертя в руках пахучую сосновую веточку, — в кои-то веки не нужно Прошку мыть». Словно услышав ее мысли, Проша обернулся и посмотрел на нее долгим задумчивым взглядом.

— Иди, иди, — махнула ему Даша. — Нечего меня гипнотизировать. Еще пять минут — и домой!

Проша гулко гавкнул, повернулся и неторопливо засеменял по росистой траве. Еще некоторое время Даша глядела ему вслед, одновременно размышляя: на завтрашнее утро назначены занятия, которые нужно хорошенько распланировать.

Впереди раздался собачий бас, быстро выведший ее из задумчивости. «Опять бомж», — решила Даша и ускорила шаг. Но Проша, обычно от души облаивавший любого человека, от которого пахло спиртным, неожиданно замолчал. Обогнув кусты, она увидела, что пес

стоит на тропинке, наклонив голову и изучая человека под корявой раскидистой сосной.

— Не бойтесь! — крикнула Даша еще издали, разматывая на ходу поводок. — Он не кусается.

— А я, сударыня, прекрасно вижу, что он не кусается, — ответил звучным голосом человек под сосной. — По-моему, вполне благовоспитанный пес флегматичного темперамента.

Даша подошла поближе и теперь смогла разглядеть обладателя звучного голоса. Это был высокий сухопарый старик в сером костюме, на вид лет семидесяти, с пушистыми белыми усами над верхней губой и гладко выбритым подбородком. Подойдя к нему, Даша уловила легкий запах одеколона, мгновенно вызвавший воспоминания из далекого детства: она маленькая сидит у деда на коленях, завороченно рассматривая сказочную, волшебную шкатулку. По крышке шкатулки скачут три коня с развевающимися гривами — белый, черный и красный, а за ними, в шкатулочной дали, встает изумрудный лес. Шкатулка черная, гладкая, пахнет лаком, но внутри — какое разочарование! — лежат всего лишь скучные маленькие книжечки в красных и зеленых обложках, какие-то документы да пара запасных ключей от входной двери.

Воспоминание в долю секунды промелькнуло в Дашиней голове, пока она рассматривала старика с пушистыми усами.

— А вы хорошо разбираетесь в собаках? — спросила она, улыбнувшись. Старикан ей понравился.

— Я хорошо разбираюсь в хозяевах, — усмехнувшись в усы, ответил тот. — Иногда, знаете ли, достаточно увидеть хозяина, чтобы рассказать о характере его пса.

— Не может быть, — рассмеялась Даша.

— Может, сударыня, уверяю вас, может. Вот, например, иногда в дальней части парка, там, где детская площадка — знаете? — я встречаю мужчину с двумя таксами. Вы, может быть, их тоже видели.

Даша неопределенно кивнула, с интересом ожидая, что незнакомец скажет дальше. Хозяин такс жил двумя этажами ниже ее, и о характере его псов она имела полное представление.

— У такс ведь обыкновенно какой характер? Правильно, независимый и самолюбивый, — продолжал старик. — Так вот, с этими двумя таксами я близко не знаком, но готов заложить свою вставную челюсть, что они совершенно инфантильны и подавлены хозяином. Более того, и чувство юмора, присущее многим представителям этой чудной породы, у них отсутствует. Вот не улыбаются они — и все!

Даша подозвала Прошу и наклонилась над его ошейником, стараясь скрыть удивление. Старик на редкость точно описал обеих несчастных животин, которые были так забиты хозяином, что боялись гавкнуть лишний раз. Хотя вполне возможно, пришло ей в голову, что старик просто хорошо знает всех троих.

— А вот сейчас вы подумали, я вижу, — раздался у нее над ухом голос, — что я с собачками и раньше встречался и с их хозяином также. Нет-с, уверяю вас, не встречался и близко не общался. Так что вы ошибаетесь на мой счет.

Даша подняла глаза на старика, и выражение ее лица было такое, что тот расхохотался.

— Сударыня, я не читаю мысли, — покачал он головой с довольной усмешкой.

— Но тогда как же... — растерянно начала Даша.

— Как я узнал? Немного наблюдательности, вот и все. Собственно говоря, у большинства людей мысли идут по

стандартному варианту — удивление, недоверие, потом настороженность. И вы не явились исключением.

— Просто вы так точно описали, — пробормотала Даша, смутившись. — Вот я и подумала...

— Не стоит извиняться, — великодушно махнул рукой старик, хотя она и не думала этого делать. — Между прочим, по любой собаке точно так же можно определить и характер ее хозяина, но об этом мы с вами побеседуем в другой раз. Да, прошу меня простить великодушно: я же не представился. С вашего позволения — Петр Васильевич Боровицкий.

Он слегка поклонился Даше и, взяв ее руку, галантно прижался к ней губами. Оторопев от неожиданного и непривычного для нее жеста, Даша только почувствовала, как мазнули по руке пушистые усы и еще сильнее пахнуло старым, давно забытым запахом мужского одеколона.

— Даша, — выговорила она. — То есть Дарья Андреевна.

— Разрешите, Дарья Андреевна, предложить вам небольшую прогулку по парку, — предложил Петр Васильевич. — Если, конечно, вас не слишком обременит в качестве спутника такая трухлявая развалина, как я.

Даша совершенно искренне запротестовала, причем сразу против всего: и против «обременит», и против «трухлявой развалины», но тут заметила искорки в глазах старика. «Елки-палки, да он ни секунды в моем согласии и не сомневается! — поняла она вдруг. — И развалиной себя не считает, и вообще вертит мной, как захочет!» От такой мысли Даша рассмеялась, непринужденно, как хорошего знакомого, взяла старика под руку, и они пошли по парку. За ними семенил довольный Проша, радуясь, что хозяйка не будет его дергать ближайший час. Тут он был совершенно уверен.

К концу прогулки Даша узнала о своем новом знакомом довольно много. Петр Васильевич оказался журналистом и писателем, собиравшим материал для новой книги. Он сообщил Даше название нескольких уже опубликованных своих книг, но ни одной из них она не читала и поинтересовалась, о чем же будет новая книга. И тут выяснилось кое-что для нее неожиданное.

— Вы, наверное, видели пансионат в глубине лесопарка? — спросил Петр Васильевич и, узнав, что Даша не видела, очень удивился.

— Понимаете, мы в этом районе только третий месяц живем, — объяснила Даша. — Купили здесь квартиру. Много лет снимали жилье и вот наконец купили собственное. Поэтому я еще не весь лесопарк обошла, а только один кусочек.

Тогда старик рассказал, что пансионат, раньше называвшийся «Прибрежный», несколько лет назад выкупили в частную собственность. Новые владельцы организовали там дом престарелых.

— Типичный частный дом престарелых, — рассказывал Петр Васильевич, постукивая тростью при каждом шаге. — Название сохранили прежнее, и теперь полностью он именуется так: Патронажный пансионат «Прибрежный». Стариков там проживает немного, около тридцати человек, и чуть ли не столько же обслуживающего персонала. Так вот, директриса его — на новом русском языке она именуется управляющей — разрешила мне бывать у них, практически беспрепятственно, и я изучаю стариков, живущих там, беседую с ними, а после по беседам пишу свою книгу. Приезжаю сюда три раза в неделю и с утра до обеда, как правило, присутствую. А когда у них начинаются медицинские процедуры, гуляю для моциону по здешнему прекрасному парку. Вот, собственно, и все.

— А почему вы выбрали именно этих стариков? — поинтересовалась Даша. — Почему бы не беседовать с любимыми? Или просто найти в самой Москве подобный дом, и неподалеку от того места, где вы живете? Все-таки ехать сюда к нам не близко.

— Ну что вы, что вы, — покачал головой Петр Васильевич. — Мне нужен именно этот дом, и никакой другой. Дело в том, что контингент тут несколько специфический — люди, которые либо сами были очень состоятельными до того, как попали в пансионат, либо имеют весьма небедных родственников. В двух-трех известных мне в самой Москве частных домах престарелых поселяют стариков исключительно в обмен на квартиру, понимаете? А здесь все не так. Здесь они платят ежегодно — или за них платят, — и ни о каких квартирах речи не идет. А вы догадываетесь, в какую сумму обходится проживание в таком доме?

— Догадываюсь, — хмыкнула Даша. — Наверняка в очень и очень немаленькую.

— В том-то все и дело! И родственники, отправляющие своих близких в сие богоугодное заведение, вполне могли бы найти другой вариант — сиделку нанять, например. Но они выбрали «Прибрежный» — все по разным причинам. В раскрытии этих причин и заключается мой, так сказать, охотничий азарт. Потому что за каждой, уважаемая Дарья Андреевна, скрывается чья-то судьба, а нет ничего увлекательнее, чем писать о судьбах.

Петр Васильевич остановился, прищурясь, взглянул на нее.

— Как-нибудь я покажу вам, чем занимаюсь, — пообещал он. — А пока — разрешите откланяться. Чрезвычайно был рад знакомству.

Он церемонно поклонился, взмахнул тростью и неторопливо пошел по дорожке, ведущей к реке. Даша

некоторое время смотрела ему вслед, потом подозвала Прошу и заторопилась к дому, огибая маленький прудик, чтобы срезать дорогу. Давно пора было возвращаться.

Человек, сидевший на скамейке у пруда, встал и внимательно посмотрел на нее, когда она проходила рядом, но Даша не обратила на него внимания. И пес, огромный мастино неаполитано, чуть прихрамывающий на переднюю правую лапу, тоже пробежал мимо. Человек вздохнул с облегчением — собак он панически боялся, а вот таких громадных, тяжелых, с гладко лоснящейся шкурой и внимательным, чуть ли не человеческим взглядом из-под нависающих бровей — в особенности. Потом ему пришло в голову, сколько может стоять такая вот прихрамывающая корова, и он злобно сплюнул вслед стройной светловолосой женщине в зеленой куртке.

«Жадная стерва! Откуда она появилась и когда он успел с ней познакомиться, да так, что я ничего не заметил? Хотя неважно. Понятно, что давно — иначе не бродили бы под ручку, как юные придурки. Знаю я таких баб — только дай им богатого мужика, они из него выжмут все соки, а потом пойдут искать следующего. По-хорошему, их всех нужно убивать! Не, ну всех — это типа утопия, а вот с одной разобраться вполне можно. Только собака мешает. Собака, собака... Что же придумать с собакой?..»

Вечером, кормя уставшего и голодного Максима ужином, Даша рассказала ему о своем новом знакомом.

— Писатель? — переспросил Максим с набитым ртом. — Известный?

— Да нет, по-моему. По крайней мере, я ничего не читала.

— А, ну тогда неинтересно! Вот если бы ты с живым классиком познакомилась, тогда да! И он бы с тебя и Олеськи писал литературные портреты, увековечивая для потомков.

— Кто писал? — подала из соседней комнаты голос Олесья, которая давно должна была спать, но не спала, а слушала разговор родителей. — Я тоже хочу, чтобы меня нарисовали.

— Спи давай! — прикрикнула на дочь Даша. — Нарисуют тебя, не волнуйся, еще нарисуют. Но знаешь, Максимушка, — она уселась за стол и задумалась, вспоминая, — он так своеобразно разговаривает — со всякими старинными «позвольте», «разрешите предложить». И даже «ну-с» вставляет иногда! Но получается у него совершенно органично. Наверное, из-за возраста. И вообще, он весь такой интеллигентный... в хорошем смысле.

— То есть бывает интеллигентный еще и в плохом? — заинтересовался Максим. — Ну-ка, ну-ка, поподробней...

— В плохом — это когда человек не умеет постоять ни за себя, ни за кого-то другого, — неуклюже объяснила Даша. — Такой несколько карикатурный персонаж, но довольно часто встречающийся. Ну вот как Владик твой, например, — бездна эрудиции, а при том патологический трус. Петр же Васильевич, мне кажется, при необходимости даже подраться сможет.

— Если не рассыплется, — кивнул Максим, дожидая третью котлетку. — Ну, в общем, тебе теперь есть с кем общаться, кроме твоих несчастных детишек. Кстати, ты к кому завтра едешь?

— К Барсукову, — вздохнув, ответила Даша. — С самого утра.

— Ах ты моя бедная, — пожалел ее Максим. — Будешь барсучонка учить букву «р» выговаривать? Рас-

сказывать про Карла, экспроприировавшего у несчастной Клары единственную память о курортном романе?

— Ну тебя! — Даша забрала у супруга пустую тарелку и начала ожесточенно тереть ее под водой. — Тебе смешно, а мне страдания. И никакую не «р» — как раз она у него поставлена. Ладно, не хочу даже думать об этом.

Максим встал и сочувственно погладил ее по спине.

— Давай я посуду помою, что ли, — предложил он. — Из сострадания к твоим завтрашним мучениям.

Даша насмешливо хмыкнула, но от раковины отошла.

На следующее утро, трясясь в автобусе, она настраивалась на предстоящий урок. Даша была частным логопедом и занималась со всеми детишками подряд, то есть бралась и за самые сложные случаи.

Стать логопедом ей помогла чистая случайность. Даша трудилась переводчиком в одной из многочисленных московских фирм и была почти довольна своей работой, а самодур-шеф был почти доволен ею. До тех пор, пока Даша не высказала собственное мнение об идеях его молодой любовницы, работавшей в соседнем с Дашиным отделе. Любовница, как все прекрасно знали, была круглой душой, и ее многогранный труд по критериям оценки деятельности переводчиков был набором бессмыслиц, прямо-таки умилительных потому, что ни одного иностранного языка сама юная Светочка не осилила.

Дашина точка зрения стала известна сотрудникам, и за глупую откровенность она вылетела с работы так быстро, что толком не успела ничего понять. А потом последовала поездка в Турцию, куда Дашу на последние деньги отправила мама и где та познакомилась с

будущим мужем. Когда они поженились и Даша забеременела, ей стало не до работы, да и Максим не возражал против того, чтобы во время беременности любимая жена сидела дома, варила супы, гуляла и не нервничала (за время их общения в Турции он убедился, что его Даша отличается крайней впечатлительностью, и очень опасался, как бы эта ее особенность не повлияла на развитие еще не родившегося ребенка).

Даша и не волновалась, прекрасно себя чувствовала все девять месяцев, а в положенный срок родила здоровую девочку, которую назвали Олесей. Неприятности начались позже: Олеся не заговорила ни в три года, ни в три с половиной, а когда наконец начала произносить слова, то выдавала невнятный набор звуков. Ужаснувшись, Даша начала таскать дочь по всем специалистам, каких только нашла, но после полугода бессмысленно потраченного времени убедилась: помочь девочке сможет только она сама.

Даша записалась на логопедические курсы, читала по ночам статьи в Интернете, покупала медицинские книги, искала статьи на английском и сама переводила их. И занималась, занималась, занималась с Олесей. Попутно нашла еще четырех мам с похожими проблемами, и они обменивались опытом, вместе размышляли, что бы придумать новое для обучения своих детей.

В шесть лет Олеся говорила уже чисто и хорошо, куда лучше большинства сверстников. Даша вздохнула спокойно, решив, что наконец-то можно возвращаться к работе. Но неожиданно сосед по дому, пристально наблюдавший за успехами ее и Олеси, попросил логопеда-самоучку поработать с его внуком, в пять лет упорно не желавшим выговаривать половину алфавита. Так Даша и начала заниматься тем, что вовсе не считала